

В.В. Валейтёнок

**Мифы и реалии философии Востока (рецензия на учебное пособие: Румянцева Т.Г....
Minbar. Islamic Studies. 2026;19(2): 489-498**

DOI 10.31162/2618-9569-2026-19-2-489-498

УДК 1(091)

Reviews

Рецензия

Мифы и реалии философии Востока (рецензия на учебное пособие: Румянцева Т.Г. Введение в философию Древнего Востока. Минск: РИВШ; 2025. 80 с.)

В.В. Валейтёнок^{1а}

¹Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь

^аORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7256-6847>, e-mail: vvv0045@mail.ru

Резюме: Объектом исследования выступает учебное пособие Т.Г. Румянцевой по философии Древнего Востока и его влияние на процесс современного обучения. Цель рецензии – критический разбор данного издания как особого способа отражения современной объективной реальности по отношению к восточной культуре и восточной философии. Это предполагает анализ статуса понятий и дискурса изложения, взаимосвязи с другими научными источниками, исследование диалектики содержания. В итоге проведенного рецензирования обоснована непродуктивность, отрицательная значимость предлагаемого издания, не позволяющая профессионально осмыслить направления восточной философии на должном уровне. Рецензентом раскрывается эвристический потенциал арабо-мусульманской культуры, понятий и смыслов философии Востока для современной цивилизации, значимость восточного дискурса и нарратива как коммуникативных технологий власти, экзистенциального присутствия.

Ключевые слова: диалог; компаративистика; ориентализм; арабо-мусульманская цивилизация; авторитаризм; дискурс

Для цитирования: Валейтёнок В.В. Мифы и реалии философии Востока (рецензия на учебное пособие: Румянцева Т.Г. Введение в философию Древнего Востока. Минск: РИВШ; 2025. 80 с.). *Minbar. Islamic Studies*. 2026;19(2):489–498. DOI: 10.31162/2618-9569-2026-19-2-489-498

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

V.V. Valeitionok

Myths and realities of the «eastern philosophy» (Book review: Rumyantseva T.G. ...
Minbar. Islamic Studies. 2026;19(2): 489-498

Myths and realities of the «eastern philosophy» (Book review: Rumyantseva T.G. Introduction to the Philosophy of the Ancient East. Minsk: RIHE, 2025. 80 p.)

V.V. Valeitionok^{1a}

¹Belarusian National Technical University, Minsk, the Republic of Belarus

^aORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7256-6847>, e-mail: vvv0045@mail.ru

Abstract: The object of the research is the textbook by T.G. Rumyantseva on the philosophy of the Ancient East and its influence on the process of modern education. The purpose of the review has been to comprehend this publication as a special means of reflecting modern objective reality in relation to Eastern culture and Eastern philosophy. This involves analysis of the status of concepts and the discourse of presentation, the relationship with other scientific sources, and the study of the dialectic of content. As a result of the review, the unproductivity and negative significance of the proposed publication was proved, which does not allow a professional understanding of the directions of Eastern philosophy at the proper level. The reviewer reveals the heuristic potential of Arab-Muslim culture, concepts and meanings of Oriental philosophy for modern civilization, the importance of Oriental discourse and narrative as communicative technologies of power, existential presence.

Keywords: dialogue; comparative studies; orientalism; Arab-Muslim civilization; authoritarianism; discourse

For citation: Valeitionok V.V. Myths and realities of the «eastern philosophy» (Book review: Rumyantseva T.G. Introduction to the Philosophy of the Ancient East. Minsk: RIHE; 2025. 80 p.). *Minbar. Islamic Studies*. 2026;19(2):489–498. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2026-19-2-489-498

Введение

Запад часто противостоит Востоку агрессивно, насильственно: тенденция исключать или поглощать Восток, таким образом, устраняет любую открытость, любую доброжелательность по отношению к «Другому» и любую возможность эволюции, понимаемой как становление иным, чем сам человек. Это зависит, по мнению рецензента, от дихотомической схемы, лежащей в основе западного мировоззрения, от постоянной потребности идентифицировать субъекта в противоположность объекту и от центральной роли таких понятий, как сущность, субстанция, истина и стабильность. Мы встречаем эту модель в теориях европейских мыслителей – от Парменида и Платона до Г. Лейбница, Г. Гегеля, Ф. Ницше и М. Хайдеггера, а также в языке,

литературе, искусстве и во всех аспектах повседневной жизни. Философии, практики и обычаи, распространенные в восточной традиции, по-видимому, подвижны совершенно иной потребностью: вместо бытия обретается путь, а отсутствие, пустота заменяют сущность. В этой культуре процветает имманентность, стремящаяся к открытости, а не к замкнутости, к «безразличию», а не к анализу, к принятию настоящего момента, а не к функциональному действию. Мудрец на Востоке настроен на настоящее, погружен в гармонию Целого, в реальность, понимаемую как поток. В рецензируемом учебном пособии Татьяны Герардовны Румянцевой и хотелось бы проникнуть в скрытые глубины того «Востока», который уж слишком часто является основной мишенью критики с точки зрения западной цивилизации, а не формально рассматривать философию Востока чрез призму компаративизма, ориентализма, а также Г. Лейбница, Г. Гегеля и иных европейских авторов.

Пособие задумано и разработано с учетом весьма понятных критериев, что формально делает его подходящим для широкого круга читателей. На Западе рождение философии неразрывно связано с цивилизацией древних греков и абстрактными размышлениями. Восточные же философии развивались в гораздо более практическом направлении, проникая в повседневную жизнь тех, кто выбирает их, до такой степени, что часто приобретали черты религии (отдельно хотелось бы обратить внимание на довольно надменный тон, примитивизированный формат изложения в пособии по отношению к православию).

«Мифы» о сути восточной философии

Многие восточные мыслители подчеркивали, что «эго» не может в одностороннем порядке диктовать, как будет развиваться его взаимодействие с внешним миром. По этой причине, подобно марионетке, человек должен позволить себе быть управляемым теми нитями, которые, направляя движения тела, черпают их силу из мира. Очевидно, следует отметить, что отречение следует понимать не как пассивное и болезненное отречение, а скорее как отказ от любой формы господства и, следовательно, как необходимое условие для раскрытия себя и гармонизации с Целым. Поэтому назидательный, авторитарный, логоцентричный стиль изложения Т.Г. Румянцевой весьма парадоксален.

Если обращаться к специалистам, хорошо владеющим восточными языками, к лингвистам, становится ясно, что в конструкциях предложений подлежащее часто опускается или, по крайней мере, даже если оно явно указано, отодвигается на второй план по отношению к выполняемому действию. В этом контексте, следовательно, истинными главными действующими лицами предложений являются глаголы, и зачастую им даже не требуется спряжение. Безусловно, то же самое нельзя сказать о

западных языках, в которых подлежащее стало неотъемлемым элементом в построении предложений. Таким образом, посредством лингвистического исследования можно подчеркнуть, с одной стороны, необходимость субъективации на Западе, а с другой – в соответствии с восточной философией, необходимость нейтральности в словесных выражениях.

Авторитарная тональность изложения в пособии удивительна еще и тем, что «восточный человек» обычно часто кланяется, индивидуальная сущность сглаживается и опустошается, и, поскольку все расхождения заглушаются, отсутствие, которое окутывает идентичности, разделяя их, обретает ценность. В тексте это совершенно теряется, диалогичность, способность «полилога», всего лишь официализируется. Хотелось бы, чтобы предложенное новое издание было глубоким и захватывающим погружением в великие пути мудрости Востока. Не просто формальным обзором, а обстоятельным, увлекательным исследованием философских учений, на протяжении веков формировавших духовную, культурную и социальную жизнь целых народов: от индийской веданты до японского дзен, от тибетского буддизма до китайского даосизма, от конфуцианства до корейской мудрости и синтоизма. Каждая глава призвана раскрыть не только фундаментальные доктрины и концепции, но и их исторический контекст, человеческий опыт и эволюцию во времени. Подобный уровень проработки был достигнут, например, в профессиональном учебном пособии Николая Сергеевича Семенова, изданном ранее в Минске [1].

Учебное пособие Н.С. Семенова действительно адресовано тем, кто ищет подлинные и непредвзятые знания о Востоке, а также тем, кто просто чувствует потребность замедлиться и порефлексировать. Доступный и глубокий стиль, сочетающий размышления и повествование, делает каждую главу приглашением переосмыслить свою жизнь в свете традиций, которые на протяжении тысячелетий учили нас видеть за пределами внешнего, распознавать главное, культивировать молчание, умеренность и осознанность. Чтение, не навязывающее готовые ответы, а открывающее новые горизонты.

Есть еще один интересный аспект в контексте востоковедческих исследований. Разница между китайской и индийской, арабской и индийской, арабской и китайской мыслью ничуть не меньше, чем между индийской и европейской и т. д. Китайская мысль существенно отличается от европейской. Индийскую философию объединяет с западной индоевропейская структура языка и общность многих важнейших понятий, тем. Арабская мысль во многом выступает наследницей и транслятором античной философии. Одной из ключевых задач арабо-мусульманской культуры является сохранение, перевод и интерпретация греко-римской мысли. Арабские философы не только копировали греков, но и создали гибридную философию, стремящуюся гармонизировать разум и сознание. Европа получила десятичную систему счета с ну-

лями (арабские цифры, происходящие из Индии) от арабов. Парадокс этой роли заключается в том, что европейцы, переняв арабские знания, часто «забывали» их истоки. Роль арабской культуры в Европе кроется не только в передаче информации, но и в начале революционной реакции в интеллектуальном развитии. Без этого посредника Ренессанс и научная революция в Европе были бы невозможны в той форме и в то время, как они произошли, и в то время, когда арабо-исламская цивилизация, будучи незаменимым культурным мостом, сохранила и расширила интеллектуальное наследие человечества в критически важный исторический период. Именно золотой век ислама сохранил греческое наследие.

Удивительная особенность арабских философов состоит в том, что они уважали истину, из чего бы она ни происходила и где бы она ни была найдена. И они верили, что мы должны извлекать пользу из знаний, даже если они исходят от чужеземных народов, незнакомых нам, и даже от немусульман. Арабские философы пытались примирить, с одной стороны, священные тексты, а с другой – политеистическую философию Платона и Аристотеля.

Ведь и целый ряд европейских школ (киники, стоики) были очень практико-ориентированными. А так называемая философия повседневности вряд ли бы вошла в гегелевскую трактовку философии в собственном смысле слова, как он ее обновал. Едва ли правильно будет воспринимать только западную мысль в качестве нормы как верную, словно вершину и модель философии как таковой. Не следует игнорировать разные культуры с их специфическим образом философской мысли. Ведь то, что выглядит для нас верным и легитимным, для иных культур тоже может выглядеть подобно частному, особенному и даже еще хуже.

Рассматривая достижения в области исследований зарубежной философии, автор учебного пособия должна также четко увидеть некоторые проблемы в этой сфере. Наиболее существенная дилемма заключается в том, что, сталкиваясь с неоднородной культурой Востока, мы либо демонстрируем противоречивое, склоняясь к бинарному подходу «или-или», рассматривая ее, иначе говоря, как западную либо как восточную. При таком образе мышления как раз Т.Г. Румянцева слепо следует западным тенденциям, используя западные академические стандарты для оценки философии Востока, просто повторяя за зарубежными учеными клише, штампы; либо рассматривает восточную традицию не как творческое начинание, а скорее как простое введение и комментарий к общему курсу философии. Т.Г. Румянцева, во-первых, не до конца понимая оригинальные тексты, интерпретирует восточную философию, используя свой эгоцентричный дискурс. Эта практика введения других в заблуждение, оставаясь при этом в неведении, возможно, была понятна на начальном этапе внедрения западных знаний на Восток, но сейчас ее необходимо преодолеть. Во-вторых, автор игно-

рирует различия между восточными (китайской, индийской, египетской, арабской, японской и т.д. культурами), объединяя их в противопоставлении западной культуре. Она использует так называемую «чистую» западную культурную форму для сравнения некоторых концепций и категорий неоднородной по сути восточной философии, применяя традиционные европейские концепции для объяснения восточных философских концепций, категорий и методов, тем самым формируя своеобразное представление о том, что «это не западное, не восточное». Более того, академическая атмосфера, создаваемая текстом, поверхностна. Превозносятся определенные школы мысли и деятели европейской традиции, предаваясь так называемому созданию новых концепций и терминов, но, не желая прилагать усилия для чтения аутентичных книг по восточной философии, Т.Г. Румянцева использует переработанные, переводные западные материалы для привлечения внимания, не только не транслируя истинных знаний, но и распространяя ложные сведения и вводя студентов в заблуждение.

Поэтому, представляя будущее в изложении восточной философии, первым шагом является преодоление вышеупомянутых проблем. Мы должны обрести культурное доверие и понимание при изучении восточной философии, действительно рассматривая осваиваемый учебный материал как кропотливый труд и творческую теоретическую трансформацию, активно интегрируя его с европейской культурой, национальными условиями и реальностью. Хотелось бы, чтобы Татьяне Герардовне удавалось переводить свои философские исследования из стадии «декламации» в стадию и в область научного изложения.

Реалии преподавания дисциплины «Философии Востока»

Преподавание курса по философии Востока не должны быть формальным, так как восточные направления не принадлежат прошлому или недостижимому иному миру. Это живые, актуальные, чрезвычайно важные инструменты для решения проблем нашего времени. В мире, отмеченном экологическими кризисами, гиперсвязью, потерей идентичности и жаждой смысла, Восток предлагает альтернативную грамматику существования: мировоззрение, основанное на единстве, взаимозависимости, искусстве присутствия и внутренней трансформации.

Т.Г. Румянцева искусственно стремится сформировать противоположные дуальности, такие как Запад/Восток, Христианство/Ислам, Цивилизованный/Варварский и т. д., посредством своего рода дифференциации, чтобы оттеснить «Другого» на более низкую позицию через процесс «отчуждения». Таким образом, разделяя мир на две части – Восток/Запад, автор с самого начала связан с феноменом власти (подробнее данная идея выражается в книгах Саида, Негри [2; 3]), и результатом является игнорирование реальности Востока, предположение о его неполноценности и

пассивности. Такой дискурс фиксирует несхожесть типа исторических различий М. Фуко между сумасшедшими и здравомыслящими людьми [4, с. 212, 250].

Обсуждение власти в интерпретации М. Фуко отвергает простое иерархическое понимание. Он считает, что власть – это не простое понятие, передаваемое сверху вниз и предписывающее, а скорее сеть сложных, универсальных и непрерывных взаимоотношений [5, с. 68]. Именно это определяет структуру общества, легитимизируя его. Власть в этом контексте коренится в различных уровнях социальных и языковых взаимодействий (концепций) [5, с. 82]. Другими словами, осуществление власти происходит не в форме линейного нисходящего вектора, а скорее обретает форму и смысл в дискурсивном контейнере. В философии М. Фуко «вопрос власти» вездесущ в масштабах и важности событий; в языковых и вербальных отношениях, взаимодействиях между индивидами, классами, социальными группами, выражающимися по-разному и различными способами. Но рассуждения Т.Г. Румянцевой о давлении «европейского разума», «европейской цивилизации» демонстрируют напряжение и враждебность.

Т.Г. Румянцева как автор нового учебного пособия, представляя восточную культуру, должна была бы стремиться побудить читателя отказаться от притворства и самонадеянности в отношении контроля над ходом событий. Ведь только адаптируясь к миру, можно сориентироваться в нем, не сломив свой дух. Те, кто, с другой стороны, выбирает, как автор рецензируемого текста, жесткость вместо гибкости, обречены на постоянную борьбу за чужое положение. Действительно, те, кто присваивает себе право никогда не спрашивать разрешения и действовать только по собственной воле, лишают себя возможности мирного сосуществования. Они просто существуют, не разрушая контуры своей идентичности, поскольку, по их мнению, потеря собственного самопредставления неизбежно соответствует самодеградации.

Учебное пособие Татьяны Герардовны Румянцевой рассчитано на студентов философского отделения факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета [6, с. 5]. То есть пособие для будущих профессионалов. В рекламе, аннотации предлагаемого учебного издания заявлено о рассмотрении ключевых школ и концепций индийской и китайской философии, «карте» для освоения материала, базовых понятиях и представлениях [6, с. 5, 6]. Однако в тексте нет профессионального анализа ни одного из направлений, как и совершенно отсутствует восточная терминология, базовые аутентичные философские понятия. А ведь книга адресуется не только студентам-бакалаврам, но и магистрантам, аспирантам философских и гуманитарных специальностей [6, с. 6].

Рецензент не увидел: где Индия с ее ориентацией на трансцендентное и Китай с его ориентацией на земное и социальное (и бессмертие, физическое вполне)? В Индии – где философия Астики и Настики? Схем того, что туда входит, даже в Google

предостаточно. А до этого, значит, раз «Введение в философию Древнего Востока», про Веды надо было прояснить, что и как... Рита, Анрита...

Китай – это «три великих учения». Возможно, про все школы во «Введении» и не надо писать. Но о «Великих учениях» обязательно следовало бы. А до этого – про И-цзин (есть замечательные тексты Б. Виноградского в китайской теме, Ю.К. Шуцкого, Е.А. Торчинова, В.П. Андросова, С. Радхакришнана). Обязательно надо было кого-то в список литературы добавить, так как почти нет там профессиональных исследований по Востоку, при этом из названия пособия следует, что оно должно быть о философии Востока [6, с. 80]. Зато есть непонятные рассуждения, более чем на три страницы, о «носе Клеопатры» [7, с. 40–43]

Эта работа скорее предлагает юмористическую метаперспективную интерпретацию восточной философии. В «Теме 1. Восток – Запад: история и суть проблемы» автор вопрошает: «Что вообще такое Восток? Не пустое ли это понятие?» [6, с. 9] Через несколько страниц вопрос звучит немного иначе: «Понятие “восточная философия” – не пустое ли и это понятие?» [6, с. 12]. Очень хотелось бы переадресовать вопрос самому автору: понимает, знает ли он в контексте логики, что такое «пустое» и «непустое» понятия [7, с. 139]?

Учебное пособие читается очень легко, но это ли должно быть основным достоинством учебного издания? Это легкое чтиво, с посылом: «Если вы уже понимаете, знаете восточную философию в целом, вам повезло». Формально способность автора перефразировать восточную философию таким простым и понятным языком должна свидетельствовать о его интеллекте, но происходит удручающе совсем наоборот. Представленное изложение философской мысли Востока оскорбляет как студентов, читателей, так и представителей восточной культуры. Т.Г. Румянцева стремится сделать книгу еще более легкой для чтения, принижая себя как ученого, философа, профессионала. Разве это не стратегия комика, использующего подсознательную склонность читателя открываться людям, которые с удовольствием смотрят на него свысока и думают: «Этот ученый (автор) действительно безнадёжен?» Гротеск, опасность ситуации заключаются в том, что условно Румянцева – потрясающий автор, и в следующий раз она аналогично легко, просто интерпретирует Библию, Коран в этом же стиле.

Заключение

Риск издания, популяризации подобных пособий в том, что неискушенным читателям может понравиться такое непринужденное объяснение философии, хотя это очень сложная для понимания тема. В ней очень много нюансов, специфики, скрупулезности и важных подробностей. Не каждый студент осознает, что текст пособия – лишь отправная точка, да и ее фактически нет.

В.В. Валеитёнок

**Мифы и реалии философии Востока (рецензия на учебное пособие: Румянцева Т.Г....
Minbar. Islamic Studies. 2026;19(2): 489-498**

Повествование настолько легкомысленное, что по мере чтения любой вдумчивый человек, серьезно интересующийся Востоком, не говоря уже о профессиональных философах, начинает чувствовать себя неловко, словно его высмеивают или он принципиально зря тратит время. Трудно понять: на кого все-таки рассчитано издание? Может, оно ориентировано как раз на людей, которые не читают серьезные книги, серьезные философские тексты, но тогда именно это и нужно было прописывать в анонсах. Возможно, Т.Г. Румянцевой покажется, что предложенная стилистика способствует тому, что содержание легко воспринимается, но в реальности оно слишком небрежно.

В итоге учебному пособию не хватает подлинной глубины, обстоятельности и должного профессионализма. Сами цели и задачи работы не находят своего убедительного воплощения в ее содержании, а главное – и формально-логически четко не эксплицированы. В тексте гораздо больше вопросов, нежели ответов. В пособии не используется ни один оригинальный источник, как и иностранные источники, серьезные профессиональные учебники именно по философии Востока отсутствуют, хотя корпус текстов по данной проблематике более чем обширен.

Справедливости ради стоит отметить, что эмпирические исследования и компаративный анализ российской и белорусской философских школ позволяют использовать наработанный материал в качестве интересной методологической основы.

Таким образом, учитывая отсутствие должной новизны, профессиональной скрупулезности, научных положений, расхожести и узаконенности в научной практике заключительных выводов и рекомендаций, рецензент не представляет возможным рассматривать данное учебное пособие в качестве приемлемого для философских отделений.

Литература

1. Семенов Н.С. *Философские традиции Востока: учебное пособие*. Минск: ЕГУ; 2004. 304 с.
2. Said E.V. *Orientalism*. New York: Pantheon Books; 1978. 377 p.
3. Хардт М., Негри А. *Империя*. Каменская Г.В. (пер. с англ). М.: Праксис; 2002. 440 с.
4. Фуко М. *История безумия в классическую эпоху*. Стаф И.К. (пер. с франц.). М.: АСТ: АСТ МОСКВА; 2010. 698 с.
5. Фуко М. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч.1. Офертас С.Ч. (пер. с франц.). М.: Праксис; 2002. 384 с.
6. Румянцева Т.Г. *Введение в философию Древнего Востока*. Минск: РИВШ; 2025. 80 с.
7. Воробьева С. *Логика и коммуникация: пособие*. Минск: БГУ; 2010. 327 с.

References

1. Semenov N.S. *Filosofskiye traditsii Vostoka: uchebnoye posobiye* [Philosophical traditions of the East: a textbook]. Minsk: European Humanities University Publ.; 2004. 304 p. (In Russian)
2. Said E.V. *Orientalism*. New York: Pantheon Books; 1978. 377 p.
3. Khardt M., Negri A. *Imperiya* [Empire]. Kamenskaya G.V. (tr. from English). Moscow: Praxis Press; 2002. 440 p. (In Russian)
4. Foucault M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [Folie et déraison. Histoire de la folie à l'âge classique]. Staff I.K. (tr. from French). Moscow: AST: AST MOSCOW Press; 2010. 698 p. (In Russian)
5. Foucault M. *Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Dits et écrits: articles, politiques conferences, interviews]. P. 1. Offertas S.H. (tr. from French). Moscow: Praxis Press; 2002. 384 p. (In Russian)
6. Rumyantseva T.G. *Vvedeniye v filosofiyyu Drevnego Vostoka* [Introduction to the philosophy of the Ancient East]. Minsk: National Institute for Higher Education Publ.; 2025. 80 p. (In Russian)
7. Vorobjova S. *Logika i kommunikatsiya: posobiye* [Logic and communication: textbook]. Minsk: Belarusian State University Publ.; 2010. 327 p. (In Russian)

Информация об авторе

Валейтёнок Валерий Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, социологии и социального управления, Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь.

About the author

Valery V. Valeitionock, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Political Science, Sociology and Social Management, Belarusian National Technical University, Minsk, the Republic of Belarus.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 11 марта 2026
Одобрена рецензентами: 11 апреля 2026
Принята к публикации: 10 июня 2026

Article info

Received: March 11, 2026
Reviewed: April 11, 2026
Accepted: June 10, 2026